

Научная статья
УДК 338(571.53)(091)
EDN SHLFIO
DOI 10.17150/2500-2759.2022.32(3).623-637

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ДВИЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ В КОНТЕКСТЕ ИЗМЕНЕНИЯ СИСТЕМ ТРАДИЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА

А.М. Курышов

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
19 августа 2022 г.

Дата принятия к печати
3 октября 2022 г.

Дата онлайн-размещения
8 ноября 2022 г.

Ключевые слова

Иркутская губерния; коренные народы; традиционное хозяйство; движение населения; историческая демография

Аннотация

Традиционное хозяйство у народов, находящихся на доиндустриальных стадиях развития, выполняет функцию сохранения этноса, поскольку этническая самоидентификация у них напрямую связана с хозяйственной деятельностью (иные надежные признаки этноса, помимо самоидентификации, объективно выделить невозможно). Поэтому изменения в традиционном хозяйстве отражаются на демографической динамике. Для изучения обозначенной связи предлагается использовать модель традиционного хозяйства, представляющую собой систему, элементами которой выступают собственно хозяйственные традиции, а связями, характеризующими структуру системы, — четыре фактора: обусловленность способов хозяйственной деятельности окружающей средой, натуральный характер хозяйственной деятельности, приоритет общественных интересов над индивидуальными в процессе осуществления хозяйственной деятельности и рациональный характер хозяйственной деятельности, проявляющийся в комплексе экологических традиций. На рубеже XIX–XX вв. трансформация традиционного хозяйства у тофов и эвенков Иркутской губернии выразилась в изменении содержания основного способа природопользования (переход от потребительской охоты к охоте товарной), у некоторых групп западных (иркутских) бурят — в изменении формы основного способа производства, а именно в переходе от скотоводства к земледелию. Однако в большинстве территориальных групп бурят земледелие и ранее выступало основным способом природопользования, так что в ходе данной трансформации оно у них интенсифицируется. Изменение содержания способа природопользования привело у эвенков и тофов к разрушению двух из четырех основных структурных связей системы традиционного хозяйства — натурального характера хозяйственной деятельности и приоритета общественных интересов над интересами индивидуальными, что стало одной из причин отрицательной динамики движения населения. Изменение формы способа природопользования у одной части бурят и интенсификация земледелия у другой способствовали стабилизации их численности, поскольку все это не создавало угрозы для структурных связей системы традиционного хозяйства.

SOME TRENDS IN THE MOVEMENT OF THE POPULATION OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF THE IRKUTSK PROVINCE AT THE TURN OF THE XIX–XX CENTURIES IN THE CONTEXT OF CHANGING THE SYSTEMS OF TRADITIONAL ECONOMY

Andrei M. Kuryshov

Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation

Article info

Received
August 19, 2022

Accepted
October 3, 2022

Available online
November 8, 2022

Keywords

Irkutsk province; indigenous peoples; traditional economy; population movement; historical demographics

Abstract

The traditional economy of the peoples at the pre-industrial stages of development performs the function of preserving the ethnos since ethnic self-identification in this case is directly related to economic activity (other reliable signs of the ethnos, in addition to self-identification, cannot be objectively identified). Therefore, changes in the traditional economy are reflected in the demographic dynamics. To study this connection it is proposed to use the model of a traditional economy which is a system whose elements are actually economic traditions. The connections that characterize the structure of the system are four factors: the conditionality of economic activities by the environment; subsistence economy; priority of public interests over individual interests in the process of economic activity; and rationality of economic activity manifested in a complex of ecological traditions. At the turn of the XIX–XX, the traditional economy of the Tofalar and Evenks of the Irkutsk province transformed its main method of nature management — from consumer hunting to commercial hunting. Some groups of Western (Irkutsk) Buryats changed the form of the production mode and transitioned from cattle breeding to agriculture: in most territorial groups, agriculture had previously been the main method of nature management; in the course of the transformation, agriculture had moved to the forefront of the traditional economy. The change in the method of nature management among the Evenks and Tofalar led to the destruction of two of the four main structural ties of the traditional economy system — the subsistence economy and the priority of public interests over individual which became one of the reasons for the negative dynamics of population movement. The change in the form of nature management among some groups of the Buryats and the intensification of agriculture in the other contributed to the stabilization of their numbers since those changes did not pose a threat to the structural ties of the traditional economy system.

Демографические процессы, в частности движение населения, играют важную роль для экономического развития на любом уровне — мировом, национальном, региональном. Но также очевидно влияние, оказываемое собственно экономическими процессами на демографическую динамику. Одной из сторон такого влияния, связанной с этнической характеристикой какой-либо общности, является прямая обусловленность этнической самоидентификации типом хозяйственной деятельности, характерная для обществ, в которых сильны пережитки родового строя, — в этом случае «этнические единицы совпадают в основном с родовыми (производственными) коллективами» [1, с. 77]. Иными словами, хозяйственная традиция является важным фактором устойчивости

этноса на ранних этапах его развития, выполняющая в такой общности этносохраняющую, а возможно, и этноопределяющую функцию. Исследование форм и степени указанного влияния может позволить не только интерпретировать этническую историю в ее увязке с затрагивающими этнос хозяйственными трансформациями, что важно чисто с научной точки зрения, но и судить об общественно-политическом характере экономических процессов, что особенно актуально для малочисленных народов, «растворяющихся» по всему миру под влиянием процессов экономической (читай: капиталистической) глобализации начиная с XIX столетия.

Целью настоящей работы является изучение отдельных тенденций движения населения (прежде всего, численности) коренных наро-

дов Прибайкалья — западных бурят, эвенков и тофов (тофаларов), которые могут быть увязаны с процессами трансформации их традиционного хозяйства, прослеживаемыми на рубеже XIX–XX вв. благодаря сохранившимся источникам. Предваряя разговор собственно об этих тенденциях, необходимо осветить некоторые особенности объекта исследования, от которых оно отталкивается.

Во-первых, мы исходим из того, что понятие «этнос», отнесение к которому людьми самих себя носит, скорее, интуитивный характер, на различных стадиях развития общества может включать в себя разные признаки. На ранних этапах развития этноса главными факторами его формирования были отнюдь не язык или особенности духовной культуры, а окружающие общность географические условия и связанные с ними напрямую хозяйственные традиции. Например, древние авторы при определении этнической принадлежности описываемой ими малознакомой общности опирались на характеристику образа жизни. Показательный пример, касающийся уже собственно нашего объекта изучения: при подсчете сельского населения во время исследований 1887–1889 гг., предваряющих распространение на инородцев землеустроительной реформы, оказалось, что часть тунгусов (эвенков) Иркутского округа (уезда) настолько сблизилась с бурятами по образу жизни (перешла от охоты и собирательства к скотоводству), что они были записаны как буряты¹. Таким образом, изменение образа жизни, хозяйственной традиции в широком смысле может влиять на движение населения не только прямо — определяя миграционные процессы, трансформируя семейные отношения (что будет сказываться и на численности общности), но и косвенно — через этническую самоидентификацию.

Во-вторых, традиционное хозяйство какого-либо этноса рассматривается здесь как система хозяйственных традиций (имеется в виду, конечно, система как модель для изучения «традиционной», т.е. докапиталистической, экономики). В системе традиционного хозяйства главное, как и в любой системе, не столько ее элементы (собственно хозяйственные традиции), сколько структура (совокупность связей между элементами во всем их своеобразии). Главными составляющими этой структуры являются: 1) обусловленность способов хозяйственной деятельности (т.е.

в конечном счете способов природопользования) окружающей средой; 2) натуральный характер хозяйственной деятельности; 3) приоритет общественных интересов в процессе осуществления хозяйственной деятельности над интересами индивидуальными; 4) рациональный характер хозяйственной деятельности, проявляющийся в комплексе экологических традиций. Соответственно, «изменение системы традиционного хозяйства», которое, как мы предполагаем, влияет на движение населения, — это в первую очередь не изменение формы элементов системы (например, трансформация орудий труда), а изменение ее структуры: отступление от природной целесообразности, переход к товарному хозяйству, индивидуализация хозяйственной деятельности в ущерб общественным интересам, отказ от рационального с точки зрения экологии хозяйствования.

Традиционное хозяйство коренных народов Прибайкалья (бурят, эвенков и тофов) на рубеже XIX–XX вв. подвергается трансформации под влиянием внешних факторов — распространения капиталистических отношений через общение с русским населением (как старожильческим, чья система традиционного хозяйства также испытывает давление, так и переселенческим) и действий властей, которые зачастую отнюдь не ставили своей целью «капитализацию» сибирского сельского быта, но, поддерживая переселение, строя Транссиб, изменяя налоговую систему, по большому счету вовлекая сибирское население во всероссийскую экономическую систему, объективно способствовали этому. Результаты означенной трансформации определяли, помимо прочего, и различную динамику движения населения коренных народов. Наша задача — показать зависимость этой динамики от особенностей хозяйственного развития.

В конце XIX в. Иркутская губерния делилась на пять округов (с 1890-х гг. они стали именоваться уездами): Иркутский, Нижнеудинский, Балаганский, Верхоленинский и Киренский. Инородцы (т.е. коренное население) проживали во всех пяти округах. Национальные административно-территориальные образования были представлены тунгусскими (эвенкийскими) и бурятскими инородческими ведомствами, включенными в состав округов. В середине 80-х гг. XIX в. ведомств было 25²: на территории Иркут-

¹ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. Т. II, вып. II. М.: Тип. В.В. Исленьева, 1890. С. 57.

² Со временем этот состав не раз подвергался изменениям, связанным с административным переустройством районов с компактным проживанием инородцев ввиду проведения у них землеустроительной реформы.

ского округа находились Капсальское, Китойское, Кудинское и Тункинское бурятские ведомства; на территории Балаганского округа — Аларское, Балаганское, Бильчирское, Боханское, Молькинское, Укырское и Улейское бурятские ведомства; на территории Нижнеудинского округа — бурятское ведомство Нижнеудинская земля (также именно в этом округе жили тофы, не имевшие особой административно-территориальной единицы); в Верхонском округе располагались Ангинское, Баендаевское, Верхнекудинское, Куленгское, Ленское, Ольхонское и Хоготовское бурятские ведомства, а также Очеульское и Тутурское тунгусские ведомства; на территории Киренского округа находились только тунгусские инородческие ведомства — Киренско-Хандинское, Кондогирское, Курейское и Нижнеилимское. Эвенки проживали также и на территориях бурятских инородческих ведомств. Данные о численности населения инородческих ведомств содержатся в отложившихся в архивах ведомственных документах, материалах сельской переписи, проводившейся в рамках уже упомянутого исследования 1887–1889 гг. (не затрагивало Киренский округ), данных переписей населения 1897, 1917 и 1920 гг. Данные о численности тофов известны по публикациям исследователей начала XX в., занимавшихся изучением их образа жизни (специальных исследований по движению малочисленного тофаларского населения не проводилось). Информация о численности коренного населения Иркутской губернии этого периода, конечно же, далеко не полна, но в целом использование специальных методов исторической науки (ретроспективного, типологического, компаративистского, структурного) позволяет установить некоторую связь между историческими фактами и получить представление о движении населения коренных народов Прибайкалья в контексте трансформации их традиционного хозяйства.

Традиционный образ жизни тофов был обусловлен местом их проживания — тайгой в предгорьях Саян. Основным способом природопользования являлась охота на крупных копытных (олений, лосей). Это обстоятельство диктовало необходимость в постоянных перекочевках. В условиях горной тайги перекочевки производились на оленях, в силу чего тофы являлись не только охотниками, но и оленеводами. Важно, что при всей значимости оленеводства у тофов само оно было подчинено нуждам охоты: олени выполняли транспортную функцию.

Изменения традиционного хозяйства тофов в конце XIX — начале XX в. сводились к следующему:

1. Из-за влияния купцов-карагасников (карагасами называли в ту пору тофов), ориентирующих тофов на заготовку пушнины, и сокращения поголовья крупных копытных в тайге охота приобретает черты товарности, попутно изменяется ее объект: теперь это в значительной степени пушной зверь.

2. В силу сокращения поголовья крупных копытных и переориентации охоты трансформируется оленеводство: теперь олень используется и как источник пищи (в 1914 г. на мясо тофами было забито 17,6 % всего оленьего стада, что сопоставимо со средними данными по Сибири по забою крупного рогатого скота (в 1913 г. — 17,3 %³).

3. По причине обеднения части тофов (в том числе из-за постепенного разложения родовой организации вследствие переориентации хозяйства с нужд общественных на нужды индивидуальные — все то же влияние карагасников) хозяйство становится комплексным: распространяются подсобные промыслы (огородничество, заготовка сена и дров для соседних золотых приисков), растет роль собирательства (бедным семьям, не имевшим оленей или имевшим их в недостаточном количестве, а значит, неспособным вести полноценную охоту, нужно было как-то выживать).

В 1888 г. 25,6 % тофаларских хозяйств занимались золотодобычей, 29,3 % — сенокосением, 9,8 % — извозом и доставкой леса, было даже одно земледельческое хозяйство [2, с. 181, 183–184]. Таким образом, в ходе трансформации традиционного хозяйства у тофов была нарушена структура его системы: хозяйство переставало быть натуральным, экономический индивидуализм брал верх над общественной целесообразностью хозяйствования. Хозяйственная система как этносохраняющий фактор подверглась удару, который теоретически должен был сказаться (отрицательно) на численном составе тофаларского населения. Что же мы видим на самом деле?

До прихода русских численность тофов составляла 400–500 чел. Этот показатель был устойчивым [3, с. 20], и такая стабильность была обусловлена оптимальной приспособленностью этого малочисленного народа к тем географическим условиям, в которых он оказался. В целом эта картина сохраняется на рубеже XIX–XX столетий. В 1882 г., по данным К.Н. Миротворцева, насчитывалось

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 433. Оп. 1. Д. 17. Л. 17 об.

456 карагасов [4, с. 2], но уже в 1884 г. их было всего 407, если верить сводке полицейского управления Нижнеудинского округа [2, с. 180]. Падение численности населения за два года составило почти 11 %. С учетом крайне небольшой численности тофаларского населения такое вполне могло быть возможно, но, скорее всего, здесь речь должна идти о неадекватном подсчете, тем более что тофы находились в силу своего образа жизни в постоянном движении. По крайней мере еще через три года, в 1887 г., фиксируется уже 426 тофов, а в 1888 г. — 431 [там же]. По данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г., уточненным в отношении сибирских инородцев известным исследователем С.К. Паткановым, численность тофов составляла 386 чел. [5, с. 435]. В сравнении с 1888 г. убыль составила более 10 %, т.е. более 1 % в год. Сравнение данных за 1882 и 1897 гг. (15 лет) также обнаруживает сокращение численности карагасов на 15 %. Такие темпы сокращения населения должны были бы привести тофов к полному вымиранию через несколько десятилетий, однако в 1917 г. исследователями фиксируются уже 447 карагасов⁴ (скорее всего, это данные Б.Э. Петри за 1914 г. [6, с. 75], перенесенные на 1917 г.). Таким образом, численность тофов после падения в конце XIX в. более чем на 15 %, к началу XX в. продемонстрировав рост почти на 16 %, снова стабилизировалась на уровне, на котором находилась и до прихода русских в Сибирь.

Однако эта стабильность обманчива. Если даже мы примем за истинные все перечисленные выше цифры (к слову сказать, процентные отношения в случае с крайне малочисленными тофами вообще вряд ли могут как-либо адекватно интерпретироваться), все же нужно признать, что в целом динамика движения тофаларского населения отрицательная: в 1929 г. тофов насчитывалось уже 425 [6, с. 75] или даже 412 чел. [7, с. 39]. Кроме того, данные полового состава тофаларского населения демонстрируют снижение количества мужчин (а мужчины — это в первую очередь домохозяева): если по X ревизии (1857–1858 гг.) их было 284, то в 1888 г. — 221, а в 1917 г. — 216 чел.⁵, т.е. за полвека численность тофов-мужчин упала на 24 %. При этом количество хозяйств увеличилось с 83 в 1888 г.

⁴Предварительные итоги переписи населения 1920 г.: по городам, поселениям городского типа, уездам и волостям Иркутской губернии: материалы Иркут. губерн. стат. бюро по демогр. секции. Вып. I. Иркутск: Иркут. отд.-е гос. изд-ва «Знание — сила», 1920. С. 22.

⁵Там же.

[2, с. 181] до 98 в 1917 г.⁶ Это означает, что тофаларские хозяйства мельчали, дробились. Вероятно, лишь в небольшом числе хозяйств в начале XX в. было больше одного работника (даже в 1888 г. этот показатель составлял в среднем 1,2 чел. [там же]).

Итак, основной способ природопользования тофов — охота — сохранился, но при сохранении формы в целом начинает изменяться его содержание: на смену потребительской охоте приходит товарная. Это означало разрушение одного из основных типов связей внутри системы традиционного хозяйства — его натурального характера, а значит, учитывая этносохраняющую функцию традиционной экономики, в этом случае можно предполагать угрозу вымирания этноса. Относительная изоляция растянула процесс размывания этноса на многие десятилетия, но в целом он заметен уже на рубеже XIX–XX вв. Сдерживающую роль в процессах размывания тофаларского этноса сыграла и родовая структура. Хотя, как уже отмечалось выше, она постепенно разлагается, но в силу своей экзогамности (в условиях компактного проживания и изначально малочисленности этноса) и, соответственно, известной консолидации тофаларский род даже в условиях кризиса родо-племенных отношений продолжает сохранять ряд своих прежних функций: поддерживаются экологические традиции, моральный облик членов рода, регулярно перекраиваются охотничьи угодья, а эпизодически даже организуется коллективная хозяйственная деятельность (выпас оленей весной и летом) [7, с. 37].

Эвенки рассеяно проживали на таежных пространствах севера и востока Иркутской губернии. Как и тофы, эвенки кочевали по тайге, подстраиваясь под периодические миграции копытных. Как и у тофов, в эвенкийском хозяйстве важную роль играло оленеводство: олень выполнял транспортную функцию. Однако в силу того что эвенки занимали огромные пространства, различные их территориальные группы характеризовались различными особенностями. У некоторых групп эвенков бóльшую роль, нежели у других, играли собирательство и рыболовство. Некоторые группы более или менее активно использовали лошадей, у других же групп, кочевавших на небольшие расстояния, меньшее значение имело оленеводство. В целом эвенкийское хозяйство, в отличие от относительно узконаправленного хозяйства

⁶Предварительные итоги переписи населения 1920 г.: по городам, поселениям городского типа, уездам и волостям Иркутской губернии.

тофов, было комплексным, включало в той или иной степени, помимо охоты и транспортно-оленеводства, и иные способы природопользования, что было обусловлено конкретной географической средой.

Изменения системы традиционного хозяйства эвенков на рубеже XIX–XX вв. проявились в том, что у отдельных территориальных групп наблюдается распространение земледелия (под влиянием соседнего русского населения) и скотоводства (под влиянием соседей-бурят). Повсеместно также происходит переход от потребительской охоты на копытных к товарной охоте на пушного зверя. При этом и земледелие, и скотоводство (там, где они имели место) по отношению к товарной охоте выступают вспомогательными занятиями и получают распространение главным образом у бедных тунгусов, не имеющих в достаточном количестве оленей для перемещения по тайге. Комплексность хозяйства эвенков, таким образом, получила дальнейшее развитие, но при этом, как и у тофов, изменения коснулись содержания главного способа природопользования и разрушали натуральное хозяйство, каковое является важнейшим типом внутрисистемных связей традиционной экономики. А это, в свою очередь, способствовало постепенному «вымиранию» тунгусов в Прибайкалье. Под «вымиранием» здесь следует понимать не столько физическую смерть людей, идентифицирующих себя как эвенки (хотя повышение смертности среди них тоже факт — по причинам поголовного пьянства и распространения ранее незнакомых тунгусам болезней [8, с. 88]), сколько «размывание» эвенков среди соседних этносов (русских, бурят, якутов). Важное значение для Иркутской губернии в плане сокращения численности эвенков имела также их миграция в соседние регионы [9, с. 140].

Общая картина движения эвенкийского населения на территории Иркутской губернии в конце XIX — начале XX в. представляется удручающей. Уже к концу XIX столетия в сравнении с его началом численность тунгусов сократилась почти на 50 %: по данным переписи 1897 г., на территории губернии проживало 2 017 тунгусов⁷ (по уточненным данным С.К. Патканова — 2 191 [10, с. 114]), тогда как в 1824 г. — около 4 тыс. [6, с. 37]. Данные по отдельным эвенкийским инородческим ведомствам подтверждают общую тенденцию.

⁷ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. LXXV. Иркутская губерния. СПб. : Тип. Э.Л. Пороховщиконой, 1904. С. XIII.

В Очеульском ведомстве Верхоленского уезда (охватывающем всю его северо-восточную часть) в 1897 г. насчитывался 401 инородец [10, с. 101]. В 1816 г. здесь (тогда еще в «волости», а не «ведомстве») проживало только мужчин 338 чел.⁸, в 1824 г. — 293 мужчины и 279 женщин (всего 572 чел.)⁹, в 1829 г. — 312 мужчин (точнее, ревизских душ)¹⁰, в 1830 г. в ведомстве было 636 тунгусов (301 мужчина и 335 женщин)¹¹, в 1845 г. — 678 чел.¹² (при этом ревизских душ только 284¹³). Но уже в 1868 г. здесь фиксируется лишь 538 чел.¹⁴ Убыль населения составила почти 21 %. При этом ревизских душ (т.е. мужчин всех возрастов) в 1867 г. в ведомстве чиновники насчитали 250¹⁵. В 1899 г. в ведомстве проживало 203 мужчины и 199 женщин (всего 402)¹⁶, за два последующих года численность почти не изменилась. Таким образом, до середины XIX столетия население ведомства росло в целом, но снижалось количество мужчин. Во второй половине этого века началось и снижение населения вообще, что и дало повод С.К. Патканову говорить о «вымирании» Очеульского ведомства, подобно Тутурскому [там же]. В Тутурском ведомстве, располагавшемся западнее Очеульского, в 1816 г. имелось 242 тунгуса-мужчины¹⁷ (из них 46 занимались земледелием¹⁸), а в 1880 г. здесь проживало лишь 78 чел. (37 мужчин и 41 женщина)¹⁹. По данным С.К. Патканова, в 1897 г. в Тутурском ведомстве насчитывалось 167 чел. [там же, с. 100], но уже через два года здесь было зафиксировано 140 чел.²⁰, а в 1908 г. — лишь 56 чел.²¹ Таким образом, население ведомства сократилось за десятилетие на две трети. Всего, по данным С.К. Патканова, в Верхоленском уезде в 1897 г. проживало 613 тунгусов [там же, с. 105]: в 1816 г. только мужчин здесь было 580²² (только на территории существовавшего тогда Верхоленского ведомства, т.е. без учета тех, кто «бродил» по берегам Байкала в районе Ольхона: здесь

⁸ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 265. Л. 246 об.

⁹ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 148. Оп. 1. Д. 1. Л. 42.

¹⁰ Там же. Д. 5. Л. 43, 129.

¹¹ Там же. Л. 152, 161.

¹² Там же. Д. 20. Л. 3 об.

¹³ Там же. Л. 13.

¹⁴ Там же. Д. 17. Л. 282.

¹⁵ Там же. Д. 41. Л. 15.

¹⁶ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 15в. Л. 255–256 об.

¹⁷ Там же. Оп. 1. Д. 265. Л. 246 об.

¹⁸ Там же. Л. 280.

¹⁹ Там же. Ф. 391. Оп. 3. Д. 1110. Л. 35.

²⁰ Там же. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 15в. Л. 255–256 об.

²¹ Там же. Ф. 391. Оп. 3. Д. 1110. Л. 35.

²² Там же. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 265. Л. 246 об.

даже в конце XIX в. еще отмечалось небольшое количество тунгусов²³). Вероятно, такое резкое сокращение туземного населения Верхоленского уезда связано с перекочевкой. Подобные тенденции мы наблюдаем и в Киренском уезде губернии.

В Киренско-Хандинском ведомстве (к югу от Киренска, севернее очеульских тунгусов) в 1824 г. проживало 1 016 эвенков [6, с. 37] (в 1816 г. в Хандинской волости — 330 тунгусов-мужчин²⁴). Перепись 1897 г. зафиксировала здесь лишь 334 эвенка [10, с. 106]. Убыль по сравнению с 1824 г. составила 67 %. В 1899 г. на территории упраздненной Киренско-Хандинской управы было уже 64 мужчины и 57 женщин²⁵ (всего 121 чел.). Кондогирское и Курейское ведомства объединяли тунгусов, кочевавших в верховьях Нижней Тунгуски (современный Катангский район Иркутской области). В 1816 г. курейских тунгусов-мужчин насчитывалось 339, кандогирских — 215²⁶. В 1824 г. исследователи насчитали 846 курейских и 650 кандогирских тунгусов [6, с. 37], а в 1897 г. их было уже соответственно 382 (мужчин из них — 211) [10, с. 109] и 293 (мужчин — 146) [там же, с. 107]. Таким образом, за 70 с небольшим лет убыль населения у курейских и кандогирских тунгусов вместе формально составила 55 %. Но за несколько лет до переписи, в первой половине 1890-х гг., курейских и кандогирских мужчин-тунгусов зафиксировано 349 и 160 соответственно²⁷, что сопоставимо с данными 1816 г. И в это же время другие источники сообщают нам количество ревизских душ (т.е. мужчин) в Курейском и Кондогирском ведомствах — 78 и 44, добавляя, что остальные разбрелись по лесам в поисках зверя²⁸. На 1899 г. в Курейском ведомстве состояло 250 мужчин и 188 женщин (всего 438 чел.), а в Кондогирском — 189 мужчин и 184 женщины (всего 373 чел.), т.е. получается, что всего за два года после всеобщей переписи численность курейцев выросла на 15 %, а кандогирцев — и вовсе на 27 %. Такая «ненормальная» динамика численности катангских эвенков сохраняется и в начале XX столетия: в 1926–1927 гг. Приполярная перепись зафиксировала 802 курейца и 313 кандогирцев [11, с. 49]. Очевидно, что резкие колебания численности тунгусского населения были связаны с перекочевками

(например, увеличение количества курейцев в 1920-х гг. А.А. Сирина связывает с миграцией сюда прибайкальских тунгусов [11, с. 52]). Поэтому динамика численности пограничных для Иркутской области эвенков (курейских, кандогирских, киренско-хандинских, очеульских и тутурских) сама по себе, без четких данных об их миграциях (которых не имеется), не может быть подтверждением или опровержением тезиса о «вымирании» тунгусов на территории Иркутской губернии на рубеже XIX–XX вв. Зато таким подтверждением может служить информация о внутренних (для Иркутской губернии) территориальных группах эвенков.

В этом смысле показательна динамика численности населения Нижнеилимского тунгусского ведомства Киренского округа (уезда). По переписи ясачных 1732 г. в Нижнеилимской волости числилось 88 душ мужского пола [12, с. 609], по переписи 1750 г. — 93 души мужского пола [там же, с. 610]. По материалам седьмой ревизии (1815–1816 гг.), в Нижнеилимской ясачной волости проживало 349 душ²⁹, из них мужчин — 170³⁰. Таким образом, мы наблюдаем на Илиме рост туземного населения во второй половине XVIII — начале XIX в., который может быть объяснен для этого времени в том числе и миграциями тунгусов. Но в XIX столетии основная масса илимских тунгусов перестает быть бродячей, постепенно переходя на оседлый и полuosедлый образ жизни. В 1830 г. в Нижнеилимской инородной управе доля «кочевых» (к ним причислялись эвенки, для которых охота и связанное с этим транспортное оленеводство не являлись единственным способом природопользования) составляла 19,3 %, в 1869 г. — 37,7 %, в 1883 г. — уже 59,4 %³¹. Хозяйство «кочевых» тунгусов было комплексным: «...немного пашни, скота в меру возможности, охота и, уже совсем немного, рыболовство» [13, с. 13]), перекочевки (на небольшие расстояния между стационарными жилищами) и оленей, которые использовались в транспортных целях, они не имели. В 1897 г. из 42 хозяйств Нижнеилимского ведомства лишь 18 хозяйств принадлежали «бродячим» тунгусам [5, с. 532]. Параллельно с изменением хозяйства у нижнеилимских тунгусов наблюдается отрицательная демографическая динамика, и ее в условиях оседлого и полuosедлого образа жизни уже нельзя связать с миграциями. Если

²³ Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. 4. Оп. 1. Д. 1908. Л. 29.

²⁴ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 265. Л. 247 об.

²⁵ Там же. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 15в. Л. 317.

²⁶ Там же. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 265. Л. 247 об.

²⁷ Там же. Ф. 573. Оп. 1. Д. 1155. Л. 3–4.

²⁸ Там же. Л. 14.

²⁹ ГАИО. Ф. 461. Оп. 1. Д. 265. Л. 285.

³⁰ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 265. Л. 247 об.

³¹ Рассчитано по: ГАИО. Ф. 461. Оп. 2. Д. 11. Л. 5–6, 9, 14.

в 1830 г. нижеилимских тунгусов насчитывалось 374 чел.³², то в 1861 г. — уже 330 чел. [14, с. 91], в 1869 — 289 чел.³³, в 1883 г. — 276 чел.³⁴, в 1889 г. — 289 чел.³⁵, в 1897 г. — 258 чел. (по другим данным — 274) [10, с. 110]. В 1900 г. в Нижнеилимском ведомстве проживало 137 оседлых тунгусов (данных по «бродячим» нет) [15, с. 133]. Но в 1899 г. на территории Киренского уезда, во втором стане, было зафиксировано 147 «бродячих» тунгусов без указания ведомства (к первому стану были отнесены киренско-хандинские тунгусы, к третьему — курейские и кандогирские). Вполне вероятно, что это «бродячие» тунгусы Нижнеилимского ведомства, а значит, к началу XX в. численность нижеилимских эвенков можно оценить в 284 чел. В целом туземное население Илимского края с 1830 г. до конца столетия сократилось на треть. О более поздних годах известно, что какая-то часть нижеилимских тунгусов переселилась в период Гражданской войны севернее (возможно, что именно благодаря им значительно увеличилось число катангских эвенков). В 1926 г. на Илеме оставалось лишь 120 эвенков, при этом все они говорили по-русски и вели оседлый образ жизни [13, с. 22].

Еще более красноречивы имеющиеся данные по тунгусам приангарским, остатки которых еще проживали в XIX в. на территории Иркутского и Балаганского округов. Исследования, проведенные в 1887–1888 гг., зафиксировали 104 эвенка в Кудинском бурятском ведомстве Иркутского округа (голоустинские тунгусы в Зонгинском и Кочергатском селениях) и 58 эвенков в Аларском бурятском ведомстве Балаганского округа (малобельские тунгусы)³⁶. Отмечается, что по сравнению с 1857 г. численность кудинских эвенков снизилась (было 131), а малобельских, напротив, увеличилась (было 48). Но общая их численность все же уменьшилась (стало 162 чел., было 179 чел.). Для 1897 г. С.К. Патканов оценивает численность голоустинских эвенков в 78 чел. [10, с. 111], малобельских — в 41 чел. [там же, с. 113] (но есть и другой вариант — 44 чел. [15, с. 18]). Таким образом, общая численность голоустинских и малобельских тунгусов (119 чел.) говорит об уменьшении ее за 40 лет (с 1857 по 1897 г.) на 33 %. В 1901 г. в Кочергатском

селении проживало 17 чел.³⁷, в Зонгинском — 66³⁸ (всего 83 чел.), т.е. численность голоустинских тунгусов несколько увеличилась, однако это не исправило общей тенденции. В 1926–1927 гг., по данным Приполярной переписи, общая численность эвенков «Байкальской группировки», в которую территориально входили голоустинские тунгусы, оценивалась в 92 чел. [15, с. 19], причем 19 из них — эвенки отдельного Верхнекетского улуса [там же, с. 20], численность которых на 1897 г. С.К. Патканов оценивал в 48 чел. [10, с. 112]. То есть собственно голоустинских тунгусов в 1926–1927 гг. было 73 чел. (убыль в сравнении с 1901 г. составила 12 %).

В целом на территории Иркутской губернии в 1897 г. проживал 2 191 тунгус (включая отдельные изолированные территориальные группы, не причисляемые к тунгусским ведомствам) [там же, с. 114]. Это соотносимо с данными по тунгусскому населению Киренского и Иркутского уездов за 1816 г. (тогда еще не были выделены Балаганский и Верхоленинский уезды) — 2 152 чел.³⁹, но в течение XIX столетия динамика движения тунгусского населения губернии изменялась: в первой его половине, по-видимому, оно увеличивалось, затем началось сокращение, что и дало основания С.К. Патканову говорить о постепенном вымирании тунгусов. Из 2 191 эвенка, зафиксированных в 1897 г., 1 483 чел. — это так называемые прибайкальские эвенки (по терминологии известного этнографа В.А. Туголукова), т.е. тунгусы очеульские, тутурские, киренско-хандинские, нижеилимские, голоустинские, верхнекетские и малобельские [15, с. 18]. Таким образом, остальные 708 чел. — тунгусы катангские (курейцы и кандогирцы), что не совсем соотносится с данными С.К. Патканова по курейцам и кандогирцам (675 чел.) [10, с. 107–109]. В 1926–1927 гг. число прибайкальских тунгусов — 618 чел. За 30 лет убыль составила 58 %. Катангских тунгусов, соотносимых с курейцами и кандогирцами конца XIX в., по Приполярной переписи было 1 115 чел. — территориальные группы накановская, ербогаченская, еромомо-тетейская, преображенская и токминская [11, с. 48–49]. Прирост составил 65 % за 30 лет, но обеспечен он был, как уже говорилось, судя по всему, миграциями эвенков. В целом же по губернии мы наблюдаем сокращение эвенкийского населения — с 2 191 чел. в 1897 г. до 1 733 чел. в 1826–1927 гг. (на 21 %).

³² ГАИО. Ф. 461. Оп. 1. Д. 1. Л. 65.

³³ Там же. Оп. 2. Д. 11. Л. 5–6.

³⁴ Там же. Д. 13. Л. 8.

³⁵ Там же. Д. 11. Л. 5–6.

³⁶ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. Т. II, вып. II. С. 96–97.

³⁷ НАРБ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 359. Л. 82 об.

³⁸ Там же. Л. 79 об. — 80.

³⁹ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 265. Л. 123.

Вполне определенно можно говорить о сокращении численности прибайкальских эвенков в регионе. Оно было вызвано тремя основными причинами:

1. Увеличение смертности вследствие распространения новых болезней и пьянства. Этот вопрос не раз поднимался на страницах региональной печати того времени, и связывался он во многом с деятельностью купцов-«тунгусников», обменивавших шкурки пушного зверя на спирт и вообще способствовавших падению нравов туземного населения⁴⁰.

2. Миграции тунгусского населения на север и северо-восток (Енисейская губерния и Якутская область). Миграция была в большей степени характерна для киренско-хандинских эвенков и в меньшей — для нижнеилимских и верхнеленских (очеульских и тутурских) [15, с. 15]. Одной из причин миграций было нежелание менять традиционный образ жизни [9, с. 140].

3. Ассимиляция эвенков с соседями (бурятами, русскими, якутами). Эта причина была основной в процессах сокращения населения прибайкальских эвенков, а важнейшей предпосылкой его в этой связи было наличие эндогамного рода у тунгусов.

В отличие от тофов, у которых сохранение экзогамного рода стало сдерживающим фактором ассимиляции, поскольку затрудняло самоубийственную трансформацию традиционного хозяйства, у эвенков «род» был исторической традицией, но не реальностью. Фактически эвенки жили большими семьями — патронимиями, состоящими из малых семей. Охотничьи угодья внутри патронимии делились между семьями, но собственно хозяйственная деятельность осуществлялась силами одной малой семьи (к этому предрасполагал и изначально комплексный характер эвенкийского хозяйства, что позволяло одной малой семье обеспечивать себя). Все это отражалось на самоидентификации эвенков: например, у значительной части верхнеангарских и верхнеленских эвенков отсутствовали родовые названия [9, с. 130], а во время переписи 1897 г. никто из нижнеилимских тунгусов не показал свой род [5, с. 536]. Процесс разложения рода и формирования патронимий, видимо, произо-

шел у эвенков еще в XVII–XVIII вв. [9, с. 134], и к тому времени, когда капиталистические отношения добрались до Восточной Сибири, их «род» уже не мог служить стабилизирующим традиционное хозяйство началом.

Именно поэтому изменения традиционного хозяйства, выполняющего в ранних обществах этносохраняющую функцию, — распространение охоты на пушного зверя (т.е. трансформация содержания основного способа природопользования), земледелия и скотоводства (т.е. изменение самого способа природопользования) — приводили к стремительной ассимиляции с более многочисленными соседями (предпосылкой этого процесса являлось и очень рассеянное проживание эвенков как следствие традиционного образа жизни, ориентированного на охоту). Исторические источники содержат множество примеров, иллюстрирующих ассимиляцию эвенков на территории Прибайкалья на рубеже XIX–XX вв. (хотя этот процесс был перманентным и начался еще до прихода русских в Сибирь [15, с. 45], активизировался он в этот период). Постепенно полностью поглощаются бурятами и частично русскими приангарские и верхоленские тунгусы, растворяются среди русского населения нижнеилимские тунгусы, киренско-хандинские эвенки, входя в соприкосновение с якутами, перенимают их образ жизни и при переписи определяются уже как якуты.

И ассимиляция эвенков соседними народами, и миграции тунгусского населения, и распространение среди них вредных привычек и новых болезней — все то, что приводило к сокращению населения, было следствием изменения традиционного образа жизни. Переориентация хозяйства эвенков на охоту на пушного зверя, т.е. на товарную охоту, ставила его в зависимость от снабжения оружием, охотничьими припасами. Частично на такую переориентацию эвенков толкало и государство, вынуждая платить ясак шкурками пушного зверя. Натуральный характер хозяйства — один из столпов традиционного образа жизни — был разрушен. Охотой по-прежнему занималось большинство тунгусского населения, но это была главным образом охота, что привязывало эвенков к местам обмена и снабжения. В начале XX в. во всех региональных группах эвенков Иркутской губернии в структуре балансов жизнеобеспечения мясо диких животных уже уступало покупному продовольствию [6, с. 106]. Поэтому даже северные, катангские эвенки Иркутской губернии в конце XIX — начале XX в. переходят на полу-

⁴⁰ Показательный пример, относящийся, правда, к катангским эвенкам, но, судя по всему, адекватно отражающий отношения между тунгусами и «тунгусниками»: в 1911 г. в ходе проведения Ербогаченской ярмарки властями был изъят из продажи спирт, вследствие чего торги прошли вяло, поскольку тунгусы не желали обменивать добычу на что-то иное, кроме спирта (См.: Сибирь. 1911. 30 дек. № 294. С. 2).

оседлый образ жизни [11, с. 77]. Пользуясь неграмотностью тунгусов, их легковерием и незащищенностью, купцы-«тунгусники», да и простые русские и бурятские крестьяне, способствовали негативной трансформации психологии эвенков (распространение хищнических способов охоты, пьянства, нарушение родовых традиций пользования охотничьими угодьями и т.д.), подготавливая почву для их физического вымирания. Интенсификация земледелия и скотоводства (имеется в виду не транспортное оленеводство, а разведение крупного и мелкого рогатого скота) отразилась в данных переписи 1897 г.: 8,1 % самостоятельных хозяйств-тунгусов (6,7 % от населения с членами семей) Иркутской губернии были скотоводами и еще 10,4 % (12,4 % от населения с членами семей) — земледельцами⁴¹. Прямым следствием данного процесса стал переход на оседлый и полuosедлый образ жизни, сближение нужд и интересов эвенков с нуждами и интересами соседей (русских и бурят), что способствовало их метисации.

Буряты компактно проживали на территориях трех округов (уездов) Иркутской губернии: Иркутского, Балаганского, Верхотенского. Небольшая группа бурят также обитала в Нижнеудинском округе (ведомство Нижнеудинская землица). Основная масса бурят Прибайкалья вела оседлый и полuosедлый образ жизни (последний характеризовался регулярными перекочевками на небольшие расстояния между «зимниками» и «летниками»). Главным способом природопользования большей части прибайкальских бурят до XIX в. было скотоводство, но для некоторых групп им являлось земледелие. В целом, как и у эвенков, у бурят хозяйство было комплексным, а не узкоспециализированным, и земледелием в той или иной степени занимались все бурятские территориальные группы. Для прибайкальских бурят XIX столетие характеризуется переориентацией на земледельческий образ жизни (скотоводческо-земледельческое хозяйство превращается в земледельческо-скотоводческое). Особенно быстро этот процесс протекал в конце XIX — начале XX в., что связано с распространением на инородцев землеустроительной реформы (с 1896 г.), ограничивающей землепользование 15 десятинами земли на душу. Предполагается, что такое ограничение заставляло бурят переходить от скотоводства к земледелию (по данным переписи 1897 г., 91 % бурятского

населения губернии считали себя земледельцами⁴²), а побочным эффектом такого перехода стало сокращение бурятского населения, лишенного возможности сохранить традиционный уклад жизни, трактуемое некоторыми современниками событий как «исчезновение с лица земли»⁴³.

Чтобы подтвердить или опровергнуть этот тезис, необходимо проанализировать численный состав бурятского населения Иркутской губернии. Как уже говорилось выше, в административном плане буряты в конце XIX в. были объединены на территории губернии в инородческие ведомства, однако их состав значительно изменился в ходе проведения землеустроительной реформы (предполагавшей, помимо прочего, и распространение на бурят волостной организации). Кроме того, некоторая часть бурятского населения проживала и до реформы на территориях, относящихся к тем или иным волостям. Так, на момент проведения исследований 1887–1889 гг. (называемых также подворной переписью) в Иркутском округе было четыре инородческих ведомств — Капсальское, Китайское, Кудинское и Тункинское, а в 1897 г. (в год Первой всеобщей переписи населения Российской империи) в Иркутском округе состояло уже шесть инородческих ведомств (Абоганатское, Капсальское, Китайское, Коймарское, Кудинское, Ординское), три родовых управления (Алагуевское, Окинское и Сайгутское) и две инородные управы (Торская и Харибятская). Поэтому представляется логичным подвергнуть анализу численный состав бурятского населения с привязкой не к ведомствам, а к округам (уездам).

На протяжении всей первой половины XIX в. число инородцев Иркутской губернии неуклонно росло [16, с. 95]. О численности бурятского населения губернии в последующие десятилетия мы можем судить по данным X ревизии 1857–1858 гг., исследованиям землепользования и хозяйственного быта сельского населения 1887–1889 гг. и переписей населения 1897 и 1920 гг.

В бурятских ведомствах Иркутского округа X ревизия зафиксировала 28 106 чел., а подворная перепись 1887–1889 гг. обнаружила 30 302 чел. Прирост инородческого населения, таким образом, за 30 лет составил 7,8 % (в первую очередь за счет Тункинского и Китайского ведомств, где прирост составлял

⁴¹ Рассчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. LXXV. Иркутская губерния. С. 115.

⁴² Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. LXXV. Иркутская губерния. С. 115.

⁴³ Сибирские письма // Сибирские вопросы. 1910. № 36. С. 23.

20,7 и 9,0 % соответственно, в то время как в Кудинском ведомстве прироста почти нет, а в Капсальском ведомстве исследователями отмечается убыль населения)⁴⁴. По данным переписи 1897 г., уточненным С.К. Паткановым, в Иркутском округе проживало 31 979 бурят (рассчитано по: [5, с. 435]). За десятилетие между подворной переписью и всеобщей переписью прирост инородческого населения составил 5,5 %.

В Балаганском округе на момент проведения X ревизии проживало 50 587 бурят, а согласно данным исследований 1887–1889 гг., здесь находилось 53 527 чел. 30-летний прирост составил 5,8 %, причем в Молькинском и Улейском ведомствах наблюдалось сокращение населения, в остальных (Бильчирском, Балаганском, Аларском, Укырском и Боханском) — рост. В последних двух он наиболее значительный — 29,5 и 25,9 % соответственно⁴⁵. По сведениям С.К. Патканова, в 1897 г. в Балаганском округе обитало 52 413 бурят (рассчитано по: [5, с. 435]). Убыль в сравнении с местными исследованиями 1887–1889 гг. составила 2,1 %.

Немногочисленное бурятское население Нижнеудинского округа составляло ведомство Нижнеудинская землица, где X ревизия зафиксировала 1 130 чел., а подворная перепись — 1 270 чел. (рост составил 12,4 %)⁴⁶. По данным переписи 1897 г., здесь проживало уже 1 598 бурят (рассчитано по: [5, с. 435]), т.е. прирост инородческого населения за десять лет достиг рекордных 25,8 %.

В Верхонском округе компактно проживающие буряты на момент подворной переписи 1889 г. были объединены в Верхнекудинское, Баендаевское, Куленгское, Хоготовское, Ленское и Ангинское ведомства. По X ревизии на территории ведомств проживало 20 569 чел., а по подворной переписи — 20 123 чел. Таким образом, в округе обнаружилась убыль бурятского населения — 2,2 %⁴⁷. Вместе с тем этой небольшой убылью округ был обязан лишь Ленскому и Ангинскому ведомствам, в остальных четырех ведомствах зафиксирован рост численности инородческого населения. Авторы «Материалов по исследованию землеполь-

зования и хозяйственного быта сельского населения» сомневались, по какой причине имела место убыль населения ведомств — из-за миграций или «вымирания», склоняясь, впрочем, ко второй версии⁴⁸. Исследования 1889 г. не охватывало население Ольхонского ведомства, также сомнения у исследователей вызывали данные X ревизии по территории Хоготовского ведомства, поэтому данные по округу неполны. В Ольхонском ведомстве проживало в это время по спискам Ольхонской инородческой управы 5 255 чел.⁴⁹ Всего, таким образом, на территориях бурятских ведомств Верхонского округа в 1889 г. обитало 25 378 инородцев. По данным переписи 1897 г., уточненным С.К. Паткановым, в Верхонском округе было 24 744 бурята (рассчитано по: [5, с. 435]), в том числе в составе Еланцинского и Кутульского ведомств (образованных на месте бывшего Ольхонского ведомства) 5 015 чел. (рассчитано по: [5, с. 503]). Таким образом, в сравнении с 1889 г. бурятское население Верхонского округа сократилось на 2,5 %.

Во всех бурятских ведомствах Иркутской губернии, по данным подворной переписи, проживало 105 222 чел. (с учетом данных по Ольхонскому ведомству — 110 477 чел.), общее же число бурят губернии несколько выше (буряты жили не только на территории ведомств): по Иркутскому, Нижнеудинскому и Балаганскому округам этот показатель — 94 544 чел.⁵⁰, по Верхонскому округу — 25 442 чел.⁵¹ Всего, стало быть, 119 986 чел. Согласно данным X ревизии, в Иркутской губернии обитало 100 392 бурята (без данных по территории Ольхонского ведомства), что говорит о приросте бурятского населения губернии за 30 лет на 4,8 % (без учета Ольхонского ведомства). По переписи 1897 г., в Иркутской губернии проживало 110 745 бурят (в том числе ольхонских) (рассчитано по: [5, с. 435]), что означает снижение их численности на 7,3 %.

⁴⁸ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. Т. II, вып. VI. С. 11.

⁴⁹ Рассчитано по: Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. Т. II, вып. VI. С. 6.

⁵⁰ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. Т. II, вып. II. С. 57.

⁵¹ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. Т. II, вып. VI. С. 5.

⁴⁴ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. Т. II, вып. II. С. 97.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. Т. II, вып. VI. Иркутск : Тип. К.И. Витковской, 1892. С. 10.

Лишь данные переписи 1897 г. относительно этнического состава населения можно считать более или менее адекватными: до этого времени учет населения не предусматривал выделение групп по родному языку, только по вероисповеданию и сословному состоянию (применительно к инородцам это было выделение групп «кочующих» («кочевых»), «бродячих» и «оседлых»). Официальные данные, предоставляемые местными властями, зачастую не соотносились с данными переписей (например, данные по Верхоленскому округу отличаются от данных подворной переписи 1889 г. на 6 %⁵²). Кроме того, данные ревизий (в ряде случаев и данные местного исследования 1887–1889 гг.) были основаны на таких понятиях, как «приписная душа», «ревизская душа», которые не отражали реальное, наличное число жителей того или иного населенного пункта или района. Для бурят — довольно многочисленного народа — разница в количестве приписных и наличных душ статистически могла иметь не такое важное значение, как для малочисленных звеньев и тем более тофов, и все же нужно признать, что сравнение данных X ревизии, подворной переписи и переписи 1897 г. носит приблизительный характер, однако некоторые тенденции вполне уловимы.

Во-первых, ясно, что бурятское население губернии в целом несколько сократилось. Во-вторых, мы видим, что это сокращение достигнуто за счет демографической динамики в Верхоленском и Балаганском округах, в то время как в Иркутском и Нижнеудинском оно увеличивается. Это важно в контексте трансформации традиционного хозяйства потому, что основная часть бурятского населения Верхоленского округа и значительная часть — Балаганского округа занималась скотоводством, в то время как все буряты Нижнеудинского округа (впрочем, немногочисленные в масштабах губернии) и большая часть бурят Иркутского округа — земледелием. Вспомним, что и по данным подворной переписи в сравнении с X ревизией наибольший прирост инородцев демонстрировали также Иркутский и Нижнеудинский округа. Подобный «тренд» движения населения мы обнаруживаем и на уровне отдельных ведомств. Например, в уже упомянутых выше Укырском и Бохан-

ском ведомствах Балаганского округа, где в 1857–1887 гг. наблюдался самый высокий рост численности инородцев, «все население занято земледелием»⁵³. Показавшие убыль населения Ленское и Ангинское ведомства Верхоленского округа также являлись районами, где земледелие было развито в недостаточной степени, в то время как земледельческие Баендаевское и Куленгское ведомства продемонстрировали самый большой прирост по округу. Интересно еще одно обстоятельство, требующее отдельного разговора, но достойное хотя бы упоминания: некоторая убыль бурятского населения в целом в конце XIX столетия была связана со снижением численности женщин, в то время как численность мужчин все росла. Эта тенденция особенно заметна в тех территориальных группах бурят, которые занимались преимущественно или только скотоводством. Факты, иллюстрирующие тяжелое положение бурятской женщины в скотоводческом хозяйстве (именно женщины ухаживали за скотом и убирали сено), были широко известны: они обсуждались в периодической печати, отмечались и властями, и исследователями⁵⁴ [17, с. 284]. В земледельческих территориальных группах бурят, напротив, растет и мужское, и женское население. Приходится согласиться с однозначным выводом специалистов о том, что «главной причиной роста численности сибирских народов было распространение среди них земледелия» [18, с. 53].

В 1911 г., по данным Военного министерства, численность инородцев Иркутской губернии составляла 134 362 чел.⁵⁵, из них подавляющее большинство, судя по всему, были бурятами (по сведениям авторов издания «Азиатская Россия», 1914 г.) — 127 852 чел. [19, с. 84]. Прирост бурятского населения Иркутской губернии к 1911 г. в сравнении с 1897 г. составил около 15,4 %.

Таким образом, увязав демографическую динамику прибайкальских бурят с предложенной моделью традиционного хозяйства, можно сделать некоторые выводы. Трансформация традиционного хозяйства западных бурят, проявившаяся в распространении у них земледелия, в известной степени изменила их образ жизни. Однако в данном случае трансформация традиционного хозяйства, которое, не устанем повторять, выполняет этносохраняющую функцию в

⁵² Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. Т. II, вып. VI. С. 4.

⁵³ ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 378. Л. 7 ; Ф. 171. Оп. 3. Д. 33. Л. 1

⁵⁴ РГИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1024. Л. 41 об.

⁵⁵ Там же. Л. 36.

ранних обществах («...то, что в этнографической науке понимается под этнической спецификой традиционно-бытовой культуры народов доиндустриальной стадии развития, является продуктом связи и общения внутри этнического сообщества (или этнической связи) в процессе взаимодействия членов данного отдельного сообщества между собой в освоении природно-экологической среды тем или иным конкретным выработанным ими способом» [20, с. 14]) не повлекла за собой отрицательной демографической динамики, в отличие от прибайкальских эвенков. Причин этому есть несколько.

Во-первых, для большинства территориальных групп прибайкальских бурят земледелие уже давно было основным способом природопользования, для них «распространение земледелия» было не переходом к новому способу, а интенсификацией прежнего.

Во-вторых, главной предпосылкой распространения земледелия у бурят Прибайкалья на рубеже XIX–XX вв., как уже отмечалось, была реформа землеустройства, которая не только ограничила землепользование 15 десятинами на приписную душу, но и, по сути, произвела передел земель. Условия для дальнейшей имущественной дифференциации бурятского общества, которая могла угрожать важнейшей структурной связи системы традиционного хозяйства — его натуральному характеру, были купированы на некоторое время.

В-третьих, бурятский «род», разрушение которого было бы серьезнейшим ударом по традиционному образу жизни, не существовало в реальности. Формально буряты пользовались земельными угодьями по ведомствам и «родам», а фактически господствовало «булучное» (поселенное, территориальное) землепользование [21, с. 34]. Землеустроительная реформа закрепила в правовом отношении такое положение дел, что лишь укрепило «булучное» землепользование, являвшееся составной частью системы традиционного хозяйства.

Некоторое снижение численности населения бурятских ведомств, зафиксированное переписью 1897 г. (в сравнении с данными подворной переписи 1887–1889 гг.), либо является результатом неточных подсчетов, либо, что более вероятно, отражает начало демографического перехода, когда вследствие развития производительных сил и связанного с этим изменения образа жизни расширенное воспроизводство населения сменяется ограниченным воспроизводством и стабилизацией численности популяции.

Сторонники тезиса о том, что слом старого образа жизни бурят привел к их «вымиранию» в начале XX в., как правило, апеллируют к данным постреволуционного периода. При этом игнорируются по меньшей мере два обстоятельства: 1) население всех губерний России сократилось за годы Первой мировой войны и Революции, сопровождавшейся Гражданской войной: «...сокращение численности населения России (без Украины, Туркестана и Закавказья) почти на 12 миллионов за короткий шестилетний срок (1914–1920 гг. — А. К.) является беспримерным в летописях европейской истории нового времени»⁵⁶; 2) относительно бурят необходимо учитывать их миграцию в Монголию, особенно усилившуюся в 1916 г. после издания приказа о мобилизации инородцев Сибири на тыловые работы.

Итак, трансформация системы традиционного хозяйства коренного населения Иркутской губернии — западных (прибайкальских, иркутских) бурят, эвенков (тунгусов) и тофов (карагасов) — на рубеже XIX–XX вв. приводила, помимо прочего, к формированию новых тенденций в процессах движения населения. Содержание этих тенденций зависело от глубины трансформации системы. У эвенков и тофов главное проявление трансформации традиционного хозяйства — изменение содержания основного способа природопользования: переход от потребительской охоты к охоте товарной. Второстепенное — распространение нетрадиционных способов природопользования (земледелия и скотоводства). Первое привело к разрушению двух из четырех основных структурных связей системы традиционного хозяйства — натурального характера хозяйственной деятельности и приоритета общественных интересов в процессе осуществления хозяйственной деятельности над интересами индивидуальными. Второе сближало образ жизни аборигенов Прибайкалья с образом жизни соседей — бурят и русских, гораздо более многочисленных. В итоге эвенки и тофы на территории Прибайкалья начинают исчезать как отдельные этносы (в случае с тофами процесс затянулся ввиду их географической изолированности). У бурят трансформация традиционного хозяйства свелась к распространению земледелия,

⁵⁶ Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. Т. I, вып. 3. Население 58 губерний Европейской и Азиатской России (РСФСР. Труды Центрального статистического управления. Серия 1. Вып. 1–5 работ Отдела демографии; Т. 1, вып. 1–5). М.: Гос. изд-во, 1921. С. 4.

однако она не привела к сколько-нибудь существенному снижению численности населения: вызванная сменой образа жизни убыль населения в одних территориальных группах компенсировалась его ростом в других благодаря интенсификации земледелия. Дело в том, что даже для тех территориальных групп бурят, для которых распространение земледелия стало сменой основного способа природопользования (большинству прибайкальских бурят оно было знакомо и так), это означало изменение формы, но не

содержания хозяйственной деятельности: все типы структурных связей системы традиционного хозяйства сохранялись, а приоритет общественных интересов в процессе осуществления хозяйственной деятельности над интересами индивидуальными даже был укреплен (благодаря распространению уравнительного землепользования и правовому закреплению территориальной общины). Все это позволило бурятскому традиционному хозяйству и далее выполнять свою функцию сохранения этноса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Генинг В.Ф. Этнический процесс в первобытности: опыт исследования закономерности зарождения и раннего развития этноса / В.Ф. Генинг. — Свердловск : Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького, 1970. — 126 с.
2. Астырев Н.М. Очерк быта племени карагазов Нижнеудинского округа / Н.М. Астырев // Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. — Москва, 1890. — Т. II, вып. II. — С. 180–186.
3. Петри Б.Э. Охотничьи угодья и расселение карагаз / Б.Э. Петри. — Иркутск : [Б. и.], 1927. — 32 с.
4. Миротворцев К.Н. Карагазы : стат.-экон. очерк / К.Н. Миротворцев. — Иркутск : [Б. и.], 1921. — 26 с.
5. Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.) Т. 3. Иркутская губ., Забайкальская, Амурская, Якутская, Приморская обл. и о. Сахалин / С.К. Патканов. — Санкт-Петербург : Тип. Ш. Буссель, 1912. — С. 434–999.
6. Рагулина М.В. Коренные этносы сибирской тайги: мотивация и структура природопользования (на примере тофаларов и эвенков Иркутской области) / М.В. Рагулина. — Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2000. — 163 с. — EDN TEUMRH.
7. Мельникова Л.В. Тофы : историко-этногр. очерк / Л.В. Мельникова. — Иркутск, 1994. — 302 с.
8. Кларк П. Очеульские и тугурские тунгусы в Верхоленском округе / П. Кларк // Записки Сибирского отдела Императорского русского географического общества. — Иркутск, 1863. — Кн. VI. — С. 87–96.
9. Туголуков В.А. Эвенки / В.А. Туголуков // Этническая история народов Севера. — Москва : Наука, 1982. — С. 129–154.
10. Патканов С.К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников / С.К. Патканов. — Ч. I, вып. 1. Тунгусы собственно. — Санкт-Петербург : Слово, 1906. — 179 с.
11. Сирина А.А. Катангские эвенки в XX веке: расселение, организация среды жизнедеятельности / А.А. Сирина. — Иркутск : Оттиск, 2002. — 286 с.
12. Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. В 2 т. Т. 1. Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века / В.Н. Шерстобоев. — Иркутск : Иркут. кн. изд-во, 1957. — 596 с.
13. Ходукин Я.Н. Тунгусы реки Коченги / Я.Н. Ходукин. — Иркутск, 1927. — 29 с.
14. Патканов С.К. О приросте инородческого населения Сибири : стат. материалы для освещения вопроса о вымирании первобыт. племен / С.К. Патканов. — Санкт-Петербург : Изд-во Имп. Акад. Наук, 1911. — 210 с.
15. Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири / В.А. Туголуков. — Москва : Наука, 1985. — 285 с.
16. Асалханов И.А. Народонаселение Бурятии в XIX в. / И.А. Асалханов // Социально-экономическое развитие Бурятии: XVII — начало XX вв. — Новосибирск : Наука, 1987. — С. 91–114.
17. Братский М. Очерк бурятского хозяйства в Балаганском уезде Иркутской губернии / М. Братский // Сибирские вопросы. — 1906. — № 2. — С. 278–288.
18. Андреев Ч.Г. Коренные народы Восточной Сибири во II половине XIX века — начале XX века (60-е гг. XIX — октябрь 1917 г.): модернизация и традиционный образ жизни / Ч.Г. Андреев. — Улан-Удэ : Изд-во БГСХА, 2001. — 287 с.
19. Турчанинов Н.В. Население Азиатской России : стат. очерк / Н.В. Турчанинов // Азиатская Россия. Т. I. Люди и порядки за Уралом. — Санкт-Петербург, 1914. — С. 64–92.
20. Карлов В.В. Введение в этнографию народов СССР (стадиальные закономерности и локально-исторические особенности этнокультурных процессов в XIX–XX вв.) : учеб. пособие / В.В. Карлов. — Москва : Изд-во МГУ, 1990. — 160 с.
21. Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX — начала XX в. / И.А. Асалханов. — Новосибирск : Наука, 1975. — 268 с.

REFERENCES

1. Gening V.F. *Ethnic Process in Primitiveness: the Experience of Studying the Patterns of Origin and Early Development of an Ethnos*. Sverdlovsk, A.M. Gorky Ural State University Publ., 1970. 126 p.

2. Astyrev N.M. An Essay on the Life of the Karagaz Tribe in Nizhneudinsk Area. *Research Materials on the Land Use and Economy of the Rural Population in Irkutsk and Yenisei Regions*. Moscow, 1890, vol. II, iss. II, pp. 180–186. (In Russian).
3. Petri B.E. *Hunting Grounds and Resettlement of Karagas*. Irkutsk, 1927. 32 p.
4. Mirotvortsev K.N. *Karagas*. Irkutsk, 1921. 26 p.
5. Patkanov S.K. *Statistical Data Showing the Tribal Composition of the Population of Siberia, the Language and Clans of Foreigners (Based on Data from a Special Development of the 1897 census material)*. Saint Petersburg, Sh. Bussel' Publ., 1912. Vol. 3, pp. 434–999.
6. Ragulina M.V. *Aboriginal Ethnoses of the Siberian Taiga: Motivation and Structure of Nature Management (a Case Study of the Tofalars and Evenki in the Irkutsk Region)*. Novosibirsk, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2000, 163 p. EDN: TEUMRH.
7. Melnikova L.V. *Tofy: Historical and Ethnographic Review*. Irkutsk, 1994. 302 p.
8. Klark P. *Ocheul and Tuttur Tunguses in the Verkholensk District. Notes of the Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society*. Irkutsk, 1863, bk. VI, pp. 87–96. (In Russian).
9. Tugolukov V.A. *Evenki. Ethnic History of the Peoples of the North*. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 129–154. (In Russian).
10. Patkanov S.K. *Experience of Geography and Statistics of the Tungus Tribes of Siberia on the Basis of the Population Census of 1897 and Other Sources*. Saint Petersburg, Slovo Publ., 1906. Pt. 1, iss. 1. 179 p.
11. Sirina A.A. *Katangese Evenks in the 20th Century: Resettlement, Organization of the Living Environment*. Irkutsk, Ottisk Publ., 2002. 286 p.
12. Sherstoboev V.N. *Ilim Plough Lands*. Irkutsk, Knizhnoe Izdatelstvo Publ., 1949. Vol. 1. 596 p.
13. Khodukin Ya.N. *Tunguses of the Kochenga River*. Irkutsk, 1927. 29 p.
14. Patkanov S.K. *On the Growth of the Foreign Population of Siberia*. Saint Petersburg, 1911. 210 p.
15. Tugolukov V.A. *Tungus (Evenks and Evens) of Central and Western Siberia*. Moscow, Nauka Publ., 1985. 285 p.
16. Asalkhanov I.A. *The Population of Buryatia in the XIX Century. Socio-Economic Development of Buryatia: XVII — Early XX Centuries*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1987, pp. 91–114. (In Russian).
17. Bratskii M. Essay on the Buryat Economy in the Balagansky District of the Irkutsk Province. *Sibirskie Voprosy = Siberian Issues*, 1906, no. 2, pp. 278–288. (In Russian).
18. Andreev Ch.G. *Indigenous Peoples of Eastern Siberia in the Second Half of the 19th Century — Early 20th Century (60s of the 19th — October 1917): Modernization and Traditional Way of Life*. Ulan-Ude, BGSKhA Publ., 2001. 287 p.
19. Turchaninov N.V. *Population of Asian Russia. Asian Russia*. Saint Petersburg, 1914. Vol. 1, pp. 64–92. (In Russian).
20. Karlov V.V. *Introduction to the Ethnography of the Peoples of the USSR (Stage Regularities and Local Historical Features of Ethnocultural Processes in the 19th — 20th Centuries)*. Lomonosov Moscow State University Publ., 1990, 160 p.
21. Asalkhanov I.A. *Agriculture of Siberia in the Late XIX — Early XX Century*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1975, 268p.

Информация об авторе

Курышов Андрей Михайлович — кандидат исторических наук, доцент, кафедра международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: KuryshovAM@bgu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2404-4537>, SPIN-код: 6335-8493, AuthorID РИНЦ: 362477.

Author

Andrei M. Kuryshov — Ph.D. in History, Associate Professor, Department of International Relations and Customs, Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: KuryshovAM@bgu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2404-4537>, SPIN-Code: 6335-8493, AuthorID RSCI: 362477.

Для цитирования

Курышов А.М. Некоторые тенденции движения населения коренных народов Иркутской губернии на рубеже XIX–XX веков в контексте изменения систем традиционного хозяйства / А.М. Курышов. — DOI 10.17150/2500-2759.2022.32(3).623-637. — EDN SHLFIO // Известия Байкальского государственного университета. — 2022. — Т. 32, № 3. — С. 623–637.

For Citation

Kuryshov A.M. Some Trends in the Movement of the Population of the Indigenous Peoples of the Irkutsk Province at the Turn of the XIX–XX Centuries in the Context of Changing the Systems of Traditional Economy. *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*, 2022, vol. 32, no. 3, pp. 623–637. (In Russian). EDN: SHLFIO. DOI: 10.17150/2500-2759.2022.32(3).623-637.